

(3.276) — это множество событий, в которых Марат выступает иницирующим Агенсом. Эти события приводят к возникновению процесса бега, в котором также задействован Марат. Отношение непосредственной каузации не предполагает не только однозначного соответствия между частями двух ситуаций, но даже и их одновременности. Глагол в (3.276), соответственно, должен допускать интерпретацию, где вся иницирующая и контролирующая деятельность Марата предшествует процессу его собственного перемещения в пространстве с помощью ног. Такого лексического значения не может иметь ни один агентивный непереходный глагол. Ровно это и предсказывается изложенной выше теорией, причем без каких-либо дополнительных допущений.

3.4. Событийная структура некоторых отыменных глаголов³⁰

Цель этого раздела — изложить несколько наблюдений о характеристиках отыменных глаголов на *-la*, где *-l* — вербализатор, а *-a* — показатель глагольной основы.

Следует отметить, что вербализатор *-l*, в отличие от прочих глагольных деривационных суффиксов (пассива на *-l*, рефлексива на *-n*, каузатива на *-t* и др.), создает не консонатные глагольные основы, а основы на гласный *-a* (о различии консонатных и вокалических основ см. 1.2.1.3). В дальнейшем в этом разделе мы будем в порядке упрощения говорить о глаголах на *-la*, образованных морфемой-вербализатором *-la*.

3.4.1. Глаголы на *-la*

В деривации глаголов из неглагольного материала задействованы три ключевых понятия:

- производящая основа
- деривационная морфема
- производный глагол.

Рассмотрим (3.277):

(3.277) äni jʏmšak-nʏ **maj-l-a-dʏ.**
 мать плюшка-ACC **масло-VRB-ST-PST.**

Мама смазала плюшки маслом.

В (3.277) представлен производный переходный глагол *majlʏj* ‘смазывать маслом, маслить’. Производящая основа для этого глагола — существительное *maj* ‘масло’. Превращение существительного в глагол обеспечивается деривационной морфемой *-l*.

Описание морфосинтаксической операции, которая представлена в (3.277), в конечном итоге должно отвечать на вопрос, каковы свойства возможного отыменного глагола в исследуемом языке.

Поскольку производный глагол складывается из двух компонентов — основы и деривационной морфемы, — общий вопрос разбивается на два более частных. Во-первых,

³⁰ Этот раздел опирается на полевые материалы М.И. Кудринского и Л.М. Кирпо 2011 года, а также на материалы Л.М. Кирпо 2012 года. Мы глубоко признательны А.М. Галиевой за содержательное обсуждение примеров и обобщений, изложенных ниже.

как предсказать актантную структуру и тип интерпретации производного глагола исходя из характеристик непроизводного имени? Во-вторых, каковы ограничения, которые накладывает на деривацию глагола морфема *-la*?

Любой глагол, в том числе и производный, можно охарактеризовать в событийно-структурных терминах, что предполагает по меньшей мере описание его актантной структуры и акциональных свойств. Глагол *majlxj* ‘смазывать маслом, маслить’, в частности, переходен и пределен.

Морфема *-la* способна создавать не только переходные предельные глаголы, но и непереходные:

- (3.278) marat **bet-l-ä-de**.
 Марат **вошь-VRB-ST-PST**
Марат завшивел.

В (3.278) показан глагол *betli* ‘вшиветь’. В его деривации задействовано существительное *bet* ‘вошь’ и та же морфема *-la*, что и в (3.277). Тем не менее глагол непереходен: он описывает изменение состояния единственного актанта, но не каузацию этого изменения, причем независимо от типа каузатора:

- (3.279) а. *marat alsu-nx **bet-l-ä-de**.
 Марат Алсу-ACC **вошь-VRB-ST-PST**
Марат заразил Алсу вшами.

- б. *ker alsu-nx **bet-l-ä-de**.
 грязь marat-ACC **вошь-VRB-ST-PST**
Из-за грязи Алсу завшивела. [=Грязь завшивела Алсу.]

Как видно из (3.278), будучи непереходным, глагол *betli* ‘вшиветь’ пределен, как и *majlxj* ‘смазывать маслом, маслить’: Претерит описывает достижение результирующего состояния ‘быть вшивым’.

С помощью морфемы *-la* можно получить и непереходные непредельные глаголы. Пример такого глагола — *eškečeli* ‘пьянствовать’ от *eškeče* ‘пьяница’, который показан в (3.280):

- (3.280) marat **eškeče-l-ä-de**.
 Марат **пьяница-VRB-ST-PST**
 1. *Марат пьянствовал.*
 2. ??*Марат стал пьяницей.*

Глаголы типа *eškečeli* ‘пьянствовать’ иногда называют глаголами деятельности или глаголами поведения. Они описывают длительные процессы, участие в которых характеризует индивида как представителя множества объектов, обозначенного исходной основой (т.е. в данном случае как пьяницу). Как видно из (3.280), предельная интерпретация, обозначающая вхождение в этот процесс, систематически отвергается, что определяет членство глагола в непредельном акциональном классе.

Таким образом, полное описание характеристик морфемы *-la* должно отвечать на вопрос, каков диапазон возможных событийных структур, которые можно деривировать с ее помощью.

С другой стороны, следует прояснить роль в деривации непроемной основы. Учитывая, что в (3.277)-(3.280) задействован один и тот же морфологический способ образования отыменных глаголов, а переменной выступает именно исходное существительное, можно надеяться, что различия между (3.277)-(3.280) сводимы, хотя бы частично, к характеристикам существительных ‘масло’, ‘вошь’ и ‘пьяница’.

Помимо лексических свойств исходной основы, в отыменной деривации есть и другой связанный с ней параметр варьирования — синтаксический класс. (3.277)-(3.280) — примеры глаголов, образованных от существительных. Возможны глаголы и от прилагательных, два из которых показаны в (3.281a-b):

- (3.281) a. marat alsu-nɣ **tuk-l-a-dɣ**.
 Марат Алсу-ACC **сытый-VRB-ST-PST**
Марат накормил Алсу досыта.
- b. marat kap-nɣ **jäšel-l-ä-de**.
 Марат коробка-ACC **зеленый-VRB-ST-PST**
Марат покрасил коробку в зеленый цвет.

С интуитивной точки зрения глаголы *tuklxj* ‘насыщать, кормить досыта’ и *jäšelli* ‘делать зеленым’ в (3.28a-b) отличаются от переходного глагола *majlxj* ‘смазывать маслом, маслить’ в (3.277), производного от существительного. Первые описывают каузацию приобретения свойства, описываемого прилагательным (например, ‘быть зеленым’ в (3.281a) или ‘быть сытым’ в (3.281b)). Вторые вводят в рассмотрение каузацию некоторого отношения между прямым дополнением и объектом из экстенционала исходной основы. В (3.277) это отношение ‘быть на поверхности’, которое устанавливается между маслом и плюшками.

Тем самым возникает вопрос, имеются ли систематические различия между отыменными дериватами, которые связаны с синтаксическим классом непроемного глагола.

Следующая группа проблем имеет отношение к деривационному потенциалу производного глагола, в частности, к его способности принимать участие в деривационных процессах, создающих из глагола другой глагол. В предыдущих разделах этой главы обсуждаются четыре деривации такого типа — пассив, ассистив/реципрок, депациентив, каузатив. В связи с отыменными глаголами нас в первую очередь интересует пассив в его декаузативной разновидности. Если (3.281b) — переходный глагол с каузативной семантикой, то (3.282) — образованный от него дериват с декаузативной интерпретацией, когда предикация описывает изменение состояния внутреннего аргумента, а информация о каузирующем событии и каузативе исключается из содержания сообщения.

- (3.282) žig **jäšel-l-ä-n-de**.³¹
 земля **зеленый-VRB-ST-PASS-PST**
Земля позеленела {т.е. покрылась зеленью}.

В литературе широко обсуждаются ограничения, связанные с образованием каузативно-декаузативных пар при отыменной деривации. Мишарский диалект, как и литера-

³¹ В (3.282) пассивная морфема *-l* реализована алломорфом *-n*, который обязателен в том случае, если конечный согласный сегмент исходной основы — это *-l*, см. 1.1 и 4.1.

турный татарский, — один из тех языков, когда далеко не любые переходные дериваты допускают построение соответствующего декаузатива. Такая возможность, например, недоступна для глагола *tešli* ‘кусать’, образованного от *teš* ‘зуб’.

(3.283) et marat-nx **teš-l-ä-de**.
собака Марат-ACC зуб-VRB-ST-PST
Собака укусила Марата.

(3.284) marat **teš-l-ä-n-de**.
Марат зуб-VRB-ST-PASS-PST
1. *Марат укусила.
2. Марат был укушен.

В (3.284) переходной клаузе (3.283) может соответствовать пассивная клауза, но не декаузативная. Имея в виду данные типа (3.281)-(3.284), мы должны ответить на вопрос, чем определяется доступность декаузативной деривации³².

³² Отыменная деривация мишарского диалекта имеет еще одну примечательную особенность. Значительная часть отыменных глаголов, которые способны к построению каузативно-декаузативных пар, устроена так же, как *jäšelli* ‘делать зеленым, зеленить’ и *jäšellänä* ‘становиться зеленым, зеленеть’. Показатель *-la* у таких глаголов создает переходную конфигурацию; декаузативная клауза образуется дополнительным присоединением пассивного показателя.

Есть, однако, и другая часть. Декаузативный дериват у них устроен так же, как у глаголов первой группы: он содержит комбинацию показателей *-la* и *-l*.

(i) marat **jalkaw-l-a-n-dx**.
Марат ленивый-VRB-ST-PASS-PST
Марат стал ленивым.

Для образования переходной клаузы от таких глаголов, однако, одиночный показатель *-la* непригоден, а соответствующее предложение (iia) неграмматично. Вместо этого используется каузативный показатель *-txr*, подробно обсуждавшийся в предыдущем разделе, который присоединяется к глаголу на *-lan*, как показано в (iib).

(ii) a. ^{??}ukxtučx marat-nx **jalkaw-l-a-dx**.
учитель Марат-ACC ленивый-VRB-ST-PST
Учитель сделал Марата ленивым.

b. ukxtučx marat-nx **jalkaw-l-a-n-dxr-dx**.
учитель Марат-ACC ленивый-VRB-ST-PASS-CAUS-PST
Учитель сделал Марата ленивым.

Другие глаголы этой группы показаны в (iii):

(iii) *jaxšxlana* ‘улучшаться, становиться хорошим (о человеке)’ *jaxšxlandsra* ‘улучшать, воспитывать хорошим’ *jaxšx* ‘хороший’
čüllänä ‘опустыниваться’ *čülländerä* ‘превращать в пустыню’ *čül* ‘пустыня’
sazlana ‘заболочиваться’ *sazlandsra* ‘заболочивать’ *saz* ‘болото’
mumijälänä ‘мумифицироваться’ *mumijäländerä* ‘мумифицировать’ *mumijä* ‘мумия’

Таким образом, у части глаголов, обладающих и каузативным, и декаузативным вариантами, первый морфологически проще и служит деривационным источником второго, тогда как у другой части деривационные отношения устроены противоположным образом. Анализ этого явления предлагается в Lyutikova, Tatevosov 2013, 2014, и мы не повторяем его здесь.

С.Г. Татевосов и Н.Ш. Халиуллина. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

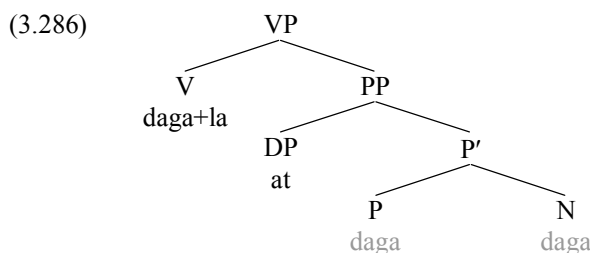
В следующем разделе мы обсудим основные классы отыменных глаголов, образованные от существительных и прилагательных с помощью показателя *-la*, и наметим обобщения, увязывающие характеристики исходной основы и свойства производного глагола.

3.4.2. Дериваты на *-la* от существительных

Дериваты на *-la* от существительных — это по преимуществу переходные и неэргативные глаголы. Типичный пример, помимо обсуждавшихся выше, — *dagalxj* ‘подковывать’, образованный от *daga* ‘подкова’. Этот глагол иллюстрируется в (3.285):

- (3.285) marat at-nx   **daga-l-xj.**
 Марат лошадь-ACC   подкова-VRB-ST.IPFV
Марат подковывает лошадь.

В литературе по аргументной структуре глаголы этого типа исследованы очень подробно (Kiparsky 1997, Harley 2005, McIntyre 2015 среди многих других). Здесь и далее в качестве исходного пункта для дальнейших рассуждений мы будем опираться на теорию К. Хейла и Дж. Кейсера (Hale, Keyser 2002; см. также Hale, Keyser 1993 и другие работы этих авторов), которые описывают их как результат операции фонологического слияния (conflation). Этой операции подвергается синтаксическая структура, представленная в (3.286)³³:

С опорой на теорию К. Хейла и Дж. Кейсера (и в некоторых случаях модифицируя ее), опишем общую идею того, как из (3.286) получается глагол ‘подковывать’.

Основным компонентом структуры выступает предложная группа, в которой позицию комплемента заполняет производящая основа, а спецификатора — именная группа, которая становится прямым дополнением производного глагола. Предложная группа интерпретируется как дескрипция отношения, которое устанавливается между этими сущностями с помощью фонологически пустого предлога. В случае ‘подковывать’ пустой предлог имеет интерпретацию, похожую на значение предлога ‘с’, а группа в целом понимается примерно как ‘лошадь с подковой’.

Предложная группа становится компонентом глагольной вершины, которая вносит в интерпретацию свой компонент — событие, в котором описываемое предложной группой отношение начинает иметь место. Морфема *-la* представляет собой фонологическую реализацию этой вершины.

Далее в деривацию вступает вершина *v*, которая добавляет к структуре каузирующее подсобытие и его участника, присоединяемого в позиции *Spec, vP*. (Эта стадия не показана в (3.286); мы вернемся к ее обсуждению в разделе 3.4.6.) Результирующая *vP* представляет собой дескрипцию событий, в которых каузатор делает так, чтобы отношение ‘лошадь с подковой’ начало иметь место. Именно такую интерпретацию и имеет глагол ‘подковывать’.

Как видно из (3.286), исходная позиция производящего существительного — это позиция комплемента фонологически пустого предлога (в языках с левым ветвлением — соответственно, послелога). Тот факт, что предлог не имеет плана выражения, а глагол имеет неполный план выражения, содержащий лишь аффикс, приводит в действие операцию фонологического слияния (conflation), которая делает структуру фонологически корректной. В результате операции фонологическая цепочка /daga/, представленная у

³³ Здесь и далее мы показываем деревья с правым ветвлением, где комплемент линейно следует за вершиной. Тюркские языки традиционно анализируются как языки с левым ветвлением. Структуры типа (3.286) тем самым следует рассматривать как упрощение, не влияющее на содержание обсуждения.

существительного (на языке теории К. Хейла и Дж. Кейсера она называется его фонологической подписью, *p-signature*), сначала копируется на предложной, а затем и на глагольной вершине. Там она соединяется с уже имеющимся у глагола компонентом /la/. В результате фонологическая подпись содержится в структуре в трех позициях — в исходной, N, промежуточной, P, и конечной, V. Озвучивается (т.е. получает фонетическую реализацию), однако, лишь самая верхняя копия цепочки /daga/ — та, которая находится на вершине V. Неозвучиваемые копии показаны в (3.286) более бледным шрифтом. Так образуются глаголы типа ‘подковывать’.

Распространенная альтернатива операции фонологического слияния, которая обсуждается в литературе по отыменной деривации, — стандартное передвижение вершины, принятое, в частности, в ранних вариантах теории К. Хейла и Дж. Кейсера. Различия между этими подходами несущественны для анализа мишарского материала; в порядке теоретического единообразия ниже мы будем описывать глаголы на *-la* в терминах слияния, а не в терминах передвижения.

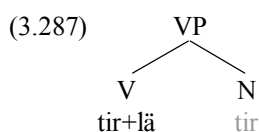
Одна из главенствующих эмпирических целей теории К. Хейла и Дж. Кейсера — объяснить, что ограничивает возможные типы аргументных структур и интерпретаций отыменных глаголов. Ясно, что если исходный пункт деривации — существительное ‘подкова’, глагол, образованный от этого существительного, может обозначать отнюдь не любую ситуацию, в которой задействованы подковы. Глаголы типа ‘подковывать’ не могут значить, например, ‘изготовить подкову’, ‘сломать подкову’, ‘создать запас подков’ и так далее — ни в татарском, ни в русском, ни, насколько можно судить, ни в каком другом языке.

В теории К. Хейла и Дж. Кейсера это следует из того, что (3.286) — одна из весьма ограниченного репертуара синтаксических конфигураций, компонентом которых могут выступать существительные. Дезидератум теории — сделать так, чтобы наблюдаемые ограничения следовали из самой природы лексических категорий и самых общих принципов, определяющих деривацию языковой структуры.

В общих чертах (здесь мы несколько упрощаем идеи авторов) эти принципы таковы. Операция слияния может копировать фонологическое содержание только компонента вершины (Hale, Keyser 2002: 47 *et seq.*). Существительное естественным образом выступает компонентом предлогов и глаголов, но не существительных и прилагательных. Из этого следует, что если исходной точкой деривации выступает существительное, перед нами выбор ровно из двух возможностей.

(3.286) представляет первую: исходная основа присоединяется как компонент предлога.

Второй случай показан в (3.287) и проиллюстрирован в (3.288):

(3.288) marat **tir-l-i**
 Марат **not-VRB-ST.IPFV**
Марат nomeem.

В (3.287) исходная основа присоединяется как комплемент глагольной вершины, которая интерпретируется как глагол созидания или эмиссии, в первом приближении как ‘делать, создавать, выделять, испускать’. Фонологическая подпись N копируется посредством операции фонологического слияния на V, образуя цепочку /tir+lä/. Эта цепочка получает фонетическую реализацию. После внедрения в структуру внешнего аргумента создается конфигурация, которая интерпретируется как ‘X участвует в ситуации, в которой создается/выделяется пот’, т.е. ‘X потеет’.

Аквантная структура отыменной конструкции полностью определяется конфигурациями вида (3.286) и (3.287). (3.287) — непереходная структура. N в общем случае не имеет валентностей и не проецирует собственных аргументов. Не проецирует собственных аргументов, согласно К. Хейлу и Дж. Кейсеру, и вершина V. Соответственно, единственный аргумент, который может возникнуть в структуре в (3.287), — это внешний аргумент предикации, который привносится вершиной *v* на следующем этапе деривации.

Предлог, напротив, — это реляционная единица. Его содержание состоит в том, чтобы соотнести две сущности, чаще всего через их пространственное взаиморасположение. Предлог тем самым нуждается в двух именах, одно из которых размещается в его комплементе, а другое — в спецификаторе. По завершении деривации первое обеспечивает глагол фонологической подписью, а второе становится прямым дополнением.

Согласно К. Хейлу и Дж. Кейсеру, существительное может участвовать в создании глагольной структуры одним из этих двух способов и никак иначе. И действительно, эти две возможности составляют, по-видимому, значительную пропорцию отыменных глаголов на *-la* в татарском языке.

Переходные глаголы, аналогичные *dägalxj* ‘подковывать’ в (3.285), исключительно продуктивны. В (3.289) иллюстрируется несколько типичных возможностей.

(3.289) <i>dägva</i> ‘претензия, иск’	<i>dägvalxj</i> ‘предъявлять иск, подавать заявление, претендовать, оспаривать, притязать’
<i>däva</i> ‘лекарство’	<i>dävalxj</i> ‘давать лекарство, лечить’
<i>žäfa</i> ‘мучение, страдание’	<i>žäfalxj</i> ‘мучить, причинять страдания’
<i>žir</i> ‘земля’	<i>žirli</i> ‘хоронить’
<i>ijär</i> ‘седло’	<i>ijärli</i> ‘седлать’
<i>jara</i> ‘рана’	<i>jaralxj</i> ‘ранить’
<i>jul</i> ‘дорога, путь’	<i>jullxj</i> ‘направлять, указывать путь’
<i>kap</i> ‘пакет, рогожа, чехол’	<i>kaplxj</i> ‘покрывать, накрывать’
<i>maj</i> ‘масло’	<i>majlxj</i> ‘маслить’
<i>naz</i> ‘ласка’	<i>nazlxj</i> ‘ласкать, нежить’
<i>nigez</i> ‘фундамент, основание’	<i>nigezli</i> ‘основывать, обосновывать’
<i>par</i> ‘пар’	<i>parlxj</i> ‘парить’
<i>timer</i> ‘железо’	<i>timerli</i> ‘покрывать железом, оковывать железом’
<i>xäter</i> ‘память’	<i>xäterli</i> ‘вспоминать’
<i>xermät</i> ‘уважение’	<i>xermätli</i> ‘уважать, оказывать уважение, почитать’
<i>xisap</i> ‘число, счет’	<i>xisaplxj</i> ‘считать’
<i>xn</i> ‘мука’	<i>xnlixj</i> ‘посыпать мукой, обваливать в муке’

Семантику и актантную структуру глаголов в (3.289) можно без труда свести к формату, задаваемому в (3.286). Все они описывают каузацию отношения, в которое вступает сущность, обозначаемая прямым дополнением, и сущность, описываемая исходной основой. Меняется лишь характер этого отношения. Для *žirli* ‘хоронить’, например, это отношение ‘внутри в сплошном пространстве’ (‘хоронить X-а’ = ‘делать так, чтобы X находился в земле’), для *ijärli* ‘седлать X-а’ — ‘под’ (‘седлать X-а’ = ‘делать так, чтобы X находился под седлом’), для *timerli* ‘покрывать железом, оковывать железом’ — ‘внутри в пустом пространстве’ или, возможно, ‘под поверхностью’ (‘покрывать железом X’ = ‘делать так, чтобы на поверхности X-а находилось железо’), для *nigezli* ‘основывать, обосновывать’ — ‘на’ (‘основывать X’ — ‘делать так, чтобы X размещался на основании’) и так далее. Значительная часть глаголов в (3.289), как и глагол *dagalxj* ‘подковывать’ в (3.285), описывает обобщенное отношение обладания / принадлежности, которое в русском языке обозначает предлог *с*. Это, например, *žäfalxj* ‘мучить, причинять страдания’, *xermätli* ‘уважать, оказывать уважение, почитать’ или *jaralxj* ‘ранить’. Во всех этих случаях актант, обозначенный прямым дополнением, приобретает то, что описывается производящей основой: соответственно, страдания, уважение или рану.

Продуктивность этого словообразовательного процесса подтверждается и тем, что носители с легкостью образуют от огромного числа существительных окказиональные дериваты, которые отсутствуют в словарях татарского языка. Несколько примеров показано в (3.290):

(3.290) <i>namus</i> ‘честь, совесть’	<i>namuslxj</i> ‘склонять к честности, совестить’
<i>peläš</i> ‘плешь, лысина’	<i>peläšli</i> ‘брить наголо’
<i>xəzur</i> ‘веселье, наслаждение’	<i>xəzurlxj</i> ‘веселить’.
<i>eñže</i> ‘жемчуг’	<i>eñželi</i> ‘покрывать жемчугом’
<i>bilbau</i> ‘пояс’	<i>bilbaulxj</i> ‘завязывать пояс, опоясывать’
<i>sälam</i> ‘приветствие’	<i>sälamlı</i> ‘приветствовать’
<i>munča</i> ‘баня’	<i>munčalxj</i> ‘парить в бане’
<i>su</i> ‘вода’	<i>sulxj</i> ‘увлажнять, смачивать’
<i>jurgan</i> ‘одеяло’	<i>jurganlxj</i> ‘покрывать одеялом’
<i>eremä</i> ‘раствор’	<i>eremäli</i> ‘растворять’

Немалую часть таких окказиональных глаголов составляют образования с заимствованными существительными, иллюстрируемыми в (3.291).

(3.291) <i>eskäter</i> ‘скатерть’	<i>eskäterli</i> ‘застилать скатертью’
<i>məşjak</i> ‘мышьяк’	<i>məşjaklxj</i> ‘травить мышьяком’
<i>bomba</i> ‘бомба’	<i>bombalxj</i> ‘бомбить’
<i>kiçup</i> ‘кетчуп’	<i>kiçuplxj</i> ‘приправлять / мазать кетчупом’

Таким образом, структура в (3.286) покрывает очень значительную часть из перечисленных в ТГ 1995: 416-418 26 семантических типов глаголов на *-la*, образованных от существительных. Это, в частности, ‘подвергать кого-либо воздействию вещества, обозначенного производящей основой’ (*bərxälxj* ‘перчить’), ‘покрыть, заделать, обшить или огородить тем материалом, который обозначен производящей основой’ (*mikli* ‘конопатить’),

‘придавать чему-либо форму предмета, обозначенного производящей основой’ (*kirpečli* ‘дать форму кирпича’), ‘приводить в состояние, обозначенное производящей основой’ (*wäswäsäli* ‘ввергать в искушение’) и целый ряд других.

Другая возможность, показанная в (3.287), создает неэргативные глаголы. Они имеют только внешний аргумент, а дескрипция события имеет формат ‘X участвует в процессе, в результате которого возникает или выделяется то, что описывается производящей основой’. Типичным примером дериватов этого типа выступают глаголы, описывающие появление на свет детей и детенышей животных:

- (3.292) *bäbi* ‘младенец’   *bäbili* ‘рожать ребенка’
bala ‘ребенок’   *balalxj* ‘производить детенышей (о животных)’
bxzau ‘тенок’   *bxzaulxj* ‘телиться’
kxlxn ‘жеребенок’   *kxlxnlxj* ‘жеребиться’

Такой же событийно-структурный профиль имеют и приводившийся выше глагол *tirli* ‘потеть’, а также близкие к нему единицы, образованные от существительных, которые обозначают физиологические процессы и выделения:

- (3.293) *jütäl* ‘кашель’   *jütälli* ‘кашлять’
eren ‘гной’   *erenli* ‘гноиться, исходить гноем’
maŋka ‘сопли’   *maŋkaxj* ‘сопливить’

С семантической точки зрения такие глаголы часто анализируются с использованием оператора DO, предложенного Д. Даути (Dowty 1979), который в его теории отвечает за создание предикатов класса вендлеровских деятельности (activities).

Имея деривационные сценарии в (3.286) и (3.287), можно ожидать, что некоторые существительные при подходящих условиях способны участвовать в обоих. По всей видимости, это действительно так. (3.294)-(3.295) иллюстрируют два предложения с глаголом *čüpli* ‘мусорить, засорять’:

- (3.294) *marat bülmä-ne čüp-l-i.*
 Марат комната-ACC мусор-VRB-ST.IPFV
Марат замусоривает комнату.

- (3.295) *marat čüp-l-i.*
 Марат мусор-VRB-ST.IPFV
Марат мусорит.

Представляется весьма правдоподобным, что (3.294) и (3.295) деривируются в соответствии с (3.286) и (3.287). (3.295) описывает ситуацию, в которой внешний аргумент распространяет вокруг себя мусор, тогда как в (3.294) — ситуацию, в которой он делает так, чтобы комната содержала в себе мусор. Та и другая семантика в значительной степени пересекаются, так что самое заметное различие между (3.294) и (3.295) — не дескриптивные свойства ситуации, а наличие внутреннего аргумента.

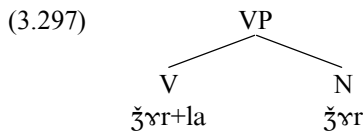
Типологически распространенной разновидностью неэргативных отглагольных образований типа (3.287) являются так называемые глаголы с внутренним дополнением (cognate objects). Такие глаголы формально переходны, однако выбор прямого дополне-

ния сильно ограничен. Им может быть или именная группа, фонологически идентичная производящей основе, или именная группа, представляющая собой ее гипоним. Две возможности иллюстрируются в (3.296a-b):

- (3.296) a. marat **žyr žyr-l-a-dɣ**.
 Марат **песня песня-VRB-ST-PST**
Марат спел песню.
- b. marat **kalinka-nɣ žyr-l-a-dɣ**.
 Марат **Калинка-ACC песня-VRB-ST-PST**
Марат спел «Калинку».

(3.288) и (3.296a-b) представляют типологически очень распространенную модель: непереходные отыменные неэргативы сосуществуют в языке с глаголами с внутренним дополнением. Если предполагать, что за предложениями типа (3.296) и (3.288) не стоят принципиально различные конфигурации и глагол в (3.296) образуется так же, как в (3.288), теория сталкивается с необходимостью объяснить, где в структуре находится внутреннее дополнение. Позиция комплемента вершины V в (3.287) занята производящей основой, спецификатор, согласно исходному опущению, в (3.287) не процедируется, и для внутреннего дополнения попросту не остается места.

К. Хейл и Дж. Кейсер обсуждают следующую возможность: внутреннее дополнение — результат того, что фонологическая подпись исходной основы может при определенных условиях озвучиваться не только в конечной позиции, в составе глагола, но и в исходной. Это показано в (3.297):

Именно эта вторая фонологическая копия является нам как прямое дополнение в предложениях типа (3.296a).

Есть, однако, проблема с теми предложениями, где прямое дополнение представляет собой гипоним по отношению к производящей основе, как в (3.296b). В этом случае внутреннее дополнение невозможно рассматривать как вторую копию производящей основы.

Теория К. Хейла и Дж. Кейсера не предлагает окончательного решения для этого случая. В Naugen 2009 в этой связи обсуждается идея, опирающаяся на доктрину позднего озвучивания, а образование отыменных глаголов анализируется не через операцию фонологического слияния, а в терминах стандартного передвижения вершины. Вершина N подвергается передвижению и инкорпорируется в вершину V, в результате чего возникает две ее копии — в голове и в хвосте цепочки. После синтаксиса структура получает план выражения. Согласно Naugen 2009, некоторые языки допускают озвучивание головы и хвоста цепочки не идентичным материалом, причем отношение гипонимии служит естественным семантико-прагматическим ограничением на то, насколько существенно могут различаться две копии. Именно так возникают, согласно этому анализу, предложения типа (3.296b). Эмпирическая реальность такого сценария подкрепляется

параллелизмом отыменных структур типа (3.296a-b) и некоторых случаев инкорпорации объекта, которые автор обсуждает в этой связи.

Не предлагая окончательного решения проблемы и не оспаривая сценарий, изложенный в Naugen 2009, мы хотели бы отметить, что есть и другая возможность объяснить структуру предложений типа (3.296b), которая как будто не входит в противоречие ни с фактами татарского языка, ни с известными синтаксическими ограничениями. В 4.2.4 обсуждаются именные конструкции вида (3.298), где вершина представляет собой гипероним, а ее именной модификатор — гипоним.

(3.298) *berket kʏʃ*
орел птица
птица орел

Можно предположить, что источником предложений типа (3.296b) выступает фонологически дефектный глагол, комплемент которого — структура типа (3.298), как показано в (3.299):

(3.299)

```

graph TD
    VP --> V["V  
ʒʏr+la"]
    VP --> NP1["NP"]
    NP1 --> NP2["NP  
kalinka"]
    NP1 --> N["N  
ʒʏr"]
  
```

В (3.299) комплемент глагола — не существительное, а более развернутая структура (предположительно NP), которая содержит именную вершину *ʒʏr* и ее зависимое *kalinka*, находящиеся в отношении гиперонимии, — такая же, как в (3.298). Как обсуждается в 4.3, в конструкциях вида (3.298) зависимый элемент представляет собой именную группу неполной структуры, NP. Все прочие этапы деривации отыменного глагола *ʒʏrʎj* не отличаются от описанных выше. Именной элемент *ʒʏr* фонологически реализуется вершиной V, а нижняя копия не озвучивается. Именной компонент *kalinka* получает обычную фонологическую реализацию и превращается в гипонимическое внутреннее дополнение.

В мишарском диалекте, далее, имеется примечательный класс глаголов на *-la*, составляющий, по-видимому, его особенность и не засвидетельствованную в литературном диалекте³⁴. Эти глаголы образуются от существительных, обозначающих систематические занятия и профессиональную деятельность. Таков, например, *eʃkeʃeli* ‘пьянствовать’ от *eʃkeʃe* ‘пьяница’ в (3.280), а также *julbasarʎj* ‘разбойничать’ от *julbasar* ‘разбойник’:

(3.300) *marat julbasar-l-ʎj.*
Марат разбойник-VRB-ST.IPFV
Марат разбойничает.

Глаголы такого типа мало обсуждаются в литературе по отыменным глаголам и их актантной структуре, поскольку в большинстве исследованных на предмет межчлесте-

³⁴ На этот факт обратила наше внимание А.М. Галиева.

речной деривации языках они представлены весьма слабо. Этот тип, однако, крайне продуктивен в русском языке, ср. *княжить*, *разбойничать*, *плотничать*, *озорничать* или, например, *быковать*. Насколько можно судить по окказиональным образованиям, которые допускают молодые носители мишарского диалекта, в последнем эта модель также продуктивна. (3.301) представляет собой пример глагола, деривируемого от заимствованного существительного *эмо* ‘эмо’:

- (3.301) marat **эмо-І-эј**.
 Марат **эмо-VRB-ST.IPFV**
Марат ведет себя как эмо.

Глаголы такого типа неизменно непереходны и образуют естественный семантический класс, в первом приближении, ‘проявлять поведение, характерное для индивидов, входящих в экстенционал производного существительного’. Даже если не вдаваться в дальнейшую детализацию этой семантики, становится ясно, что анализ для глаголов типа ‘потеть’ или ‘телиться’ вряд ли легко распространяется на этот случай. ‘Действовать как N’ и ‘действовать так, что возникает/распространяется N’ слишком различны.

Можно предположить, что глаголы типа *julbasarlxj* ‘разбойничать’ структурно идентичны рассмотренным выше отыменным неэргативам, таким, как *tirli* ‘потеть’ в (3.288), и имеют деривацию в (3.302), однако семантически в этом случае задействуется другая вершина V.

- (3.302)
- $$\begin{array}{c}
 \text{VP} \\
 \swarrow \quad \searrow \\
 \text{V} \qquad \text{N} \\
 \text{julbasar+la} \quad \text{julbasar}
 \end{array}$$

Если это предположение верно, репертуар вершин V, доступных для деривации отыменных глаголов, начинает выглядеть так, как показано в (3.303):

- (3.303) a. $\lambda P.\lambda e. \exists x [e \text{ — процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge P(x)]$
 b. $\lambda P.\lambda e. e \text{ — процесс, характерный для } \hat{P} \text{ и только для } \hat{P}$,
 где $\hat{P}$ — тип (kind), соответствующий предикату P (см. Chierchia 1998)

(3.303a-b) — функции, которые применяются к именному предикату как к аргументу и создают событийный предикат. В (3.303a) индивидуальная переменная связывается квантором существования. Такую операцию иногда называют семантической инкорпорацией: неотъемлемой частью событийной дескрипции становится информация об участнике события. В (3.303b) мы предполагаем семантический сдвиг, превращающий предикат P в соответствующий ему тип (kind) $\hat{P}$.

Для (303b) мы не даем более строгих определений. Это очень непростая задача. ‘Разбойничать’ — значит осуществлять деятельность, характерную для разбойника, так же, как, например, ‘бродяжничать’ — это вести образ жизни, характерный для бродяги. Каковы дескриптивные свойства такого образа жизни? Они очень нечетки и контекстно зависимы. Мы знаем, что бродяга — это человек, не имеющий постоянного места жительства. Однако мы можем опознать индивида как бродягу, вовсе не зная, есть ли у него домашний адрес, — по одежде, состоянию волосяного покрова и т.д. Кажется

интуитивно правдоподобным, что в этом случае мы обращаемся не к экстенсионалу предиката ‘бродяга’, а скорее сопоставляем наблюдаемого индивида с доступным нам *t* и *p* о *m* бродяги. Эту интуицию отражает указание на тип, а не на элемент экстенсионала именного предиката, как в (3.303а).

Уже вопрос о том, что определяет индивида как разбойника или бродягу, делает описание семантики глаголов типа ‘разбойничать’ или ‘бродяжничать’ нетривиальным. Однако это не единственная сложность. Если мы знаем ответ на этот вопрос, мы можем определить содержание предикатов ‘быть разбойником’ и ‘быть бродягой’, но не ‘разбойничать’ и ‘бродяжничать’. ‘Быть бродягой’ похож на ‘бродяжничать’, но семантически не тождественен ему. ‘Быть бродягой’ — состояние, обладающее свойством истинности в точке. Если рассматриваемый индивид — бродяга, и это верно на интервале, включающем 2017 год, это верно и для любой точки этого интервала. ‘Бродяжничать’, напротив, — это предикат, который Ю.Д. Апресян (Апресян 2006) относит к классу деятельности Ю.Д. Апресяна (их следует отличать от традиционных венделеровских деятельностей, *activities*) — это предикаты, для оценки истинности которых необходим интервал, превышающий нормальный раунд наблюдения. Именно поэтому такие предикаты сопротивляются модификации с помощью обстоятельств, задающих краткий временной интервал, ср. русские предложения в (3.304а) и (3.304б):

- (3.304) а. Весь прошлый год Володя бродяжничал.
 б. # Сегодня после обеда || с трех до полчетвертого || в 8:22 Володя бродяжничал.

В отличие от (3.304а), вне контекстов, предполагающих языковую игру, (3.304б) воспринимается как семантически аномальное.

Отметим, наконец, последнее важное свойство (3.303б): перед нами предикат, который *x* а р а к т е р и з у е т бродяжничество. Это означает, что в его экстенсионал входят процессы, типичные для бродяг и только для них. Процессы, участие в которых устроено одинаково как при бродяжничестве, так и при его отсутствии, из экстенсионала исключаются.

Идея о том, что вершина *V*, с которой соединяются производящие основы, существует в двух разновидностях, делает теорию более выразительной и с этой точки зрения представляется уязвимой. Если предположить два способа интерпретировать глагольную вершину в неэргативных отыменных конфигурациях, возникает вопрос, каков набор возможностей в общем виде и чем он ограничен. Не предлагая решения этой проблемы, мы хотели бы указать, что частично она дает о себе знать и в исходном варианте теории, где механизм интерпретации предполагается ровно один, а именно, (3.303а). Почему в неэргативной конфигурации глагол непременно интерпретируется как глагол созидания или эмиссии, а не, например, не как глагол физического контакта? Как кажется, понимание того, почему это так, — необходимое условие ответа на вопрос, возможны ли другие разновидности *V*, кроме (3.303а-б), и как они устроены.

Как бы то ни было, признание различных вариантов интерпретации вершины *V* представляется эмпирически неизбежным: наблюдение, что семантика *V* не сводится к единственной возможности, подкрепляется и другим материалом. Например, глаголы типа *kzšlj* ‘зимовать’, иллюстрируемого в (3.305), во всех релевантных отношениях попадают в тот же класс неэргативов, что и другие обсуждаемые в этом разделе глаголы:

- (3.305) marat awxl-da ike kxš **kxš-l-a-dx**.
 Марат деревня-LOC два зима зима-VRB-ST-PST
Марат прозимовал в деревне две зимы.

Тем не менее в (3.305) отношение между внешним аргументом и производящим существительным не сводимо ни к (3.303a), ни к (3.303b). Зима не возникает в результате деятельности агенса; ниже агенс проявляет характерное для зимы поведение. ‘Зимовать’ — значит проводить в определенном месте (оно может иметь синтаксическую реализацию, как в (3.305), или оставаться невыраженным) промежуток времени, описываемый существительным.

В следующем разделе мы обсудим еще один класс глаголов, эмпирически адекватный анализ которых, по всей видимости, требует несколько расширить наши представления о разновидностях фонологически пустой вершины V.

3.4.3. Инструментальные глаголы

Во всех известных нам языках имеется класс глаголов, в большей или меньшей степени продуктивный, в который входят единицы типа английского *hammer* ‘ударять молотком или молотом’ или русских *лопатить* или *буравить* (см. Harley, Haugen 2007, Dowd 2010).

В мишарском диалекте такие глаголы также ожидаемо обнаруживаются. Несколько примеров перечислено в (3.306):

- (3.306) *suka* ‘соха, плуг’   *sukalxj* ‘пахать’
pxčkx ‘пила’   *pxčkxlxj* ‘пилить’
borau ‘бурав, сверло’   *boraulxj* ‘буравить, сверлить’
txrma ‘грабли, борона’   *txrmaxj* ‘бороновать’
ütük ‘утюг’   *ütükli* ‘гладить, утюжить’

К этой же группе с точки зрения всех значимых свойств относятся и многие другие глаголы поверхностного контакта и физического воздействия, даже если задействованное в описываемой ситуации средство или орудие не является инструментом в узком смысле. Типичный пример — глагол *tešli* ‘кусать’ от *teš* ‘зуб’, иллюстрируемый выше в (3.283).

Для теории аргументной структуры К. Хейла и Дж. Кейсера такие глаголы проблематичны сразу по нескольким причинам. Основная состоит в том, что их невозможно свести ни к непереходным неэргативам типа (3.287), ни к глаголам с предложными компонентами типа (3.286). Неэргативы, как мы уже видели, допускают только внутреннее дополнение, однако инструментальные глаголы — явно не то]т случай:

- (3.307) marat kxrg-nx **suka-l-a-dx**.
 Марат поле-ACC плуг-VRB-ST-PST
Марат вспахал поле.

В (3.307) пациентивную именную группу *kxrg-nx* ‘поле’ невозможно анализировать ни как внутреннее дополнение в узком смысле, ни как гипоним по отношению к производящей основе *suka* ‘плуг, соха’.

Однако переходные глаголы с предложным комPLEMENTом — тоже не тот случай. Семантика таких глаголов предполагает статичное, преимущественно пространственное отношение между прямым дополнением и производящей основой. Это отношение возникает благодаря процессу, который обозначается глагольной вершиной, и осмысливается как результирующее состояние описываемой ситуации. В (3.277), с которого мы начали обсуждение, масло вступает в отношение ‘быть на поверхности’ с плюшками. Именно статичность отношения в конечном итоге и заставляет предполагать в структуре фонологически не выраженный предлог: такая интерпретация характерна именно для предлогов, но не для других частей речи.

Семантика глаголов типа ‘пахать’ структурирована иначе. (3.307) очевидно не описывает ситуацию, которая завершается в момент, когда поле вступает в то или другое отношение с плугом. Поле состоит в отношении с плугом в течение всей ситуации, но это отношение не статическое, а динамическое. Плуг находится в контакте с поверхностью поля, благодаря чему в ней происходят характерные изменения. Само дескриптивное содержание процесса определяется именно этим отношением: практически все, что лексикограф пожелает сказать о семантике глагола ‘пахать’ и ее отличии, например, от ‘копать’, определяется характером взаимодействия между полем и плугом.

Это же верно и для огромного множества других инструментальных глаголов, в частности, для глаголов из (3.306). Дескриптивные свойства процесса у *txrmatxj* ‘бороновать’, *ütükli* ‘гладить’ и т.д. определяются преимущественно характером отношения между инструментом и подвергающимся воздействию объектом.

Таким образом, перед нами двойное различие между глаголами с предложным комPLEMENTом и глаголами в (3.306), у которых исходная основа обозначает инструмент. У первых взаимодействие сущности, обозначаемой исходной именной основой и прямым дополнением, статично и определяет дескриптивные характеристики не процесса как такого, а его результирующего состояния. У последних оно динамично и в этом качестве непосредственно задает свойства самого процесса.

Эти наблюдения коррелируют с системой обобщений, предлагаемых в лексико-семантической теории Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (Rappaport Hovav, Levin 1998 и последующие работы). В этой системе глаголы типа ‘маслить’ — глаголы результата, которые специфицируют в своей семантике дескриптивные свойства результирующего состояния, но не процесса, ведущего к его возникновению. Напротив, глаголы типа ‘пахать’ — глаголы способа, толкование которых с необходимостью содержит указание на характер осуществления процесса.

Теория Б. Левин и М. Раппапорт Ховав приписывает глаголам этих типов разные событийно-структурные шаблоны — так называются шаблоны деятельности и шаблоны свершений, которые показаны в (3.308a-b):

- (3.308) a. X ACT_{<MANNER>} Y
 b. [X ACT] CAUSE [BECOME [Y <STATE>]]

(3.308a-b) следуют идеям Д. Даути, предполагая в одном случае более сложную структуру, чем в другом. Деятельности — однокомпонентная событийная структура, свершения — двухкомпонентная. Свершения состоят из деятельности и каузируемого

изменения состояния. В угловых скобках представлен тот элемент шаблона, который реализует лексическую константу глагола — совокупность лексикографической информации, которая определяет его лексическое значение и отличает от других глаголов.

Как видно из (3.308a-b), лексическая константа деятельности — это способ осуществления процесса (<MANNER>), а свершений — результирующее состояние (<STATE>). Это различие и дало название двум классам переходных глаголов — способа и результата (см. также Кустова 1996 и Татевосов 2015).

Деривацию глагола (в том числе отыменного глагола) и его событийной структуры Б. Левин и М. Раппапорт Ховав описывают в терминах так называемых канонических правил реализации, которые увязывают, в частности, семантический класс лексической константы с ее позицией в шаблоне. Примеры правил показаны в (3.309)-(3.311):

- (3.309) a. PLACEABLE OBJECT →
[X CAUSE [BECOME [Y WITH <PLACEABLE OBJECT>]]]
b. *butter* ‘намазывать маслом’, *oil* ‘промасливать’, *paper* ‘заворачивать в бумагу’,
tile ‘крыть черепицей’, *wax* ‘покрывать воском’
- (3.310) a. PLACE → [X CAUSE [BECOME [Y <PLACE>]]]
b. *bag* ‘класть в сумку’, *box* ‘упаковывать в коробку’, *cage* ‘помещать в клетку’,
crate ‘помещать в ящик’, *garage* ‘ставить в гараж’, *pocket* ‘класть в карман’
- (3.311) a. INSTRUMENT → [X ACT<INSTRUMENT>]
b. *brush* ‘красить кистью’, *hammer* ‘забивать молотком’, *saw* ‘пилить пилой’,
shovel ‘копать лопатой’

Подход Б. Левин и М. Раппапорт Ховав достаточно точно предсказывает характеристики глаголов, с которыми мы имеем дело в этом разделе. Инструментальные глаголы, благодаря правилу в (3.311a), делаются глаголами способа, а глаголы с предложным комплементом, такие как *majlxj* ‘маслить, смазывать маслом’, превращаются, согласно (3.309a), в глаголы результата. Однако у этого подхода есть и слабое место: как список событийных шаблонов, так и список правил канонической реализации требуется постулировать; он невыводим из каких-либо более общих принципов, регулирующих синтаксическую или семантическую структуру.

Анализ в духе К. Хейла и Дж. Кейсера в этом отношении имеет преимущество, поскольку канонические правила реализации или их аналог в нем отсутствуют вовсе, а событийные шаблоны вытекают (по крайней мере, в идеале) из свойств лексических категорий. Более того, как мы уже видели, характеристики глаголов, создающихся у Б. Левин и М. Раппапорт Ховав правилами реализации в (3.309)-(3.311), выводятся у К. Хейла и Дж. Кейсера автоматически.

Инструментальные глаголы, однако, требуют отдельного внимания. Наблюдения, изложенные выше, делают анализ в терминах фонологически дефектной глагольной вершины с комплементом — предложной группой маловероятным. Семантический профиль отношения между инструментом и подвергающимся воздействию объектом находится за пределами того, что можно осмысленно рассматривать как значение возможного предлога.

Архитектура системы накладывает на возможный анализ инструментальных глаголов дополнительное ограничение. Рассматриваем ли мы процесс, превращающий имя в глагол как фонологическое слияние (conflation) или как передвижение вершины, он подвержен важному конфигурационному требованию. Вершина N способна получить фонологический материал от вершины N' , только если N' — вершина комплемента N . Если N' — вершина спецификатора N , ее участие в интересующем нас процессе невозможно.

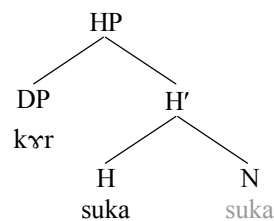
Если мы хотим сохранить это допущение (которое, как подробно обсуждается в вышеупомянутой литературе, желательно по независимым соображениям), есть не так уж много возможностей анализировать структуру инструментальных глаголов. Они по необходимости должны содержать компонент, который показан в (3.312).

(3.312) очень похожа на предложную группу, которая выступает комплементом вершины V в (3.286). И в том и в другом случае перед нами конфигурация с реляционной семантикой: две сущности, занимающие позицию комплемента и спецификатора вершины, состоят в отношении, которое определяется ее семантическим содержанием. В (3.312) и для других инструментальных глаголов это отношение интуитивно очевидно: ‘подвергаться воздействию’.

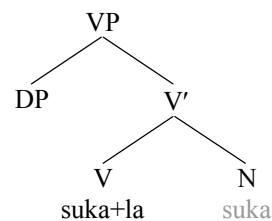
Если эти рассуждения верны, остается прояснить характер вершины N . По семантическим соображениям мы уже отклонили возможность $N = P$. Точно так же, видимо, невозможно рассматривать N как прилагательное. В языках не встречаются прилагательные, основное содержание которых — семантика ‘подвергаться воздействию’. Может ли это быть существительное? Для некоторых существительных теоретически можно предположить полную (или расширенную) проекцию с заполненными позициями спецификатора и комплемента (ср. ‘моя фотография Ленина’). Однако в (3.312) это должно быть не просто существительное, а существительное с событийной семантикой, описывающей воздействие одного объекта на другой. В языках встречаются производные (преимущественно отглагольные) существительные с двумя заполненными синтаксическими валентностями (например, ‘Васина торговля оружием’). Однако даже у них крайне редко или вовсе не засвидетельствована интерпретация, когда актант в спецификаторе подвергается воздействию со стороны актанта в позиции комплемента. Тем более не встречаются лексические, непроизводные существительные с этими свойствами. Между тем, если $N = N$, в структуре следует предполагать именно такое существительное. Таким образом, анализ N как существительного если не вовсе невозможен, то, по крайней мере, очень маловероятен.

Остается единственная возможность: $N = V$, как показано в (3.313).

(3.312)

(3.313)

Очевидно, в (3.313) представлена та же самая фонологически дефектная вершина V, что и в других случаях. Собственная фонологическая реализация вершины — аффиксальная цепочка *-la*; прочий материал возникает у нее в результате фонологического слияния. Интерпретация этой вершины, однако, отличается от тех, которые мы видели до сих пор, в частности, от (3.303a-b). Эта семантика в квазиформальном виде показана в (3.314):

(3.314) $\parallel V_{\text{INSTR}} \parallel = \lambda P. \lambda x. \lambda e. \exists y [x \text{ подвергается воздействию у } \wedge P(y)]$

В отличие от вариантов в (3.303a-b), (3.314) имеет, кроме событийного и предикатного, еще и индивидуальный аргумент. Индивидуальную позицию заполняет актанта в спецификаторе. Этот актанта, как и в случае с глаголами с предложной группой, проецируется в качестве прямого дополнения. В качестве предиката выступает существительное, обозначающее инструмент и занимающее позицию комплемента.

Структура в (3.313) далее соединяется с вершиной *y*, которая отвечает за внедрение в предикацию внешнего аргумента, и деривация предложений типа (3.307) завершается.

Таким образом, репертуар глагольных вершин еще более расширяется, однако прочие компоненты теории остаются неприкосновенными.

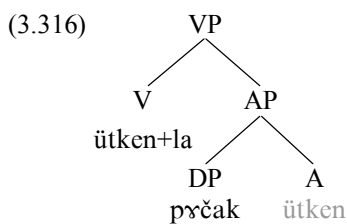
Обсудив основные типы глаголов, образованных от существительных, в следующем разделе мы обратимся к глаголам от прилагательных.

3.4.4. Глаголы от прилагательных

Семантические типы глаголов на *-la* от прилагательных значительно менее разнообразны. Преобладающий класс таких глаголов имеет значение каузации состояния, описываемого производящей основой. Характерный пример — предложения в (3.281a-b), а также (3.315):

(3.315) marat pʁčag-ŋ-n ütken-l-i.
 Марат нож-3-OBL.ACC острый-VRB-ST.IPFV
 Марат *точит* нож.

Возможная структура глагольной группы в составе предикации типа (3.315) показана в (3.316):

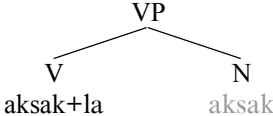
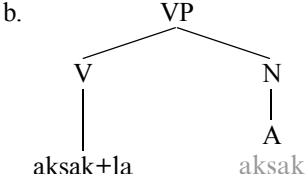
В (3.316) именная группа *pʁčak* ‘нож’ занимает позицию спецификатора — такую же, как именная группа *at* ‘лошадь’ в (3.286), которая также становится в предикации прямым дополнением.

Кроме глаголов типа *ütkenli* ‘точить, заострять’, исключительно продуктивных, в ТГ1995: 418 упоминается и некоторое количество непереходных глаголов, образованных от прилагательных. Это, в частности, *irkenli* ‘чувствовать себя свободно’, *aksaklıxj* ‘хромать’, *arkənləxj* ‘медлить’.

- (3.317) marat **aksak-l-əj**.
 Марат **хромой-VRB-ST.IPFV**
Марат хромает.

В примерах такого рода обращает на себя внимание то, что результирующий глагол представляет собой неопределённый неэргатив, то есть единицу, с точки зрения акциональных и актантных свойств малоотличимую от глаголов типа *tirli* ‘потеть’ в (3.288), образованных от существительных.

Это подсказывает и возможный анализ глаголов типа *aksaklıxj* ‘хромать’. Прилагательные типа *aksak* ‘хромой’ могут интегрироваться в событийную структуру как существительные или в силу своей исходной частеречной недоспецифицированности, как в (3.318a), или в результате скрытой субстантивации, как в (3.318b):

- (3.318) a. b.

Вариант в (3.318b), где исходное прилагательное подвергается субстантивации, кажется более эмпирически адекватным. (3.318a) предполагает, что лексема *aksak* способна функционировать как существительное без всяких дополнительных усилий. Однако если бы это было так, существительное *aksak* было бы доступно и в других субстантивных конфигурациях. По всей видимости, этого не происходит.

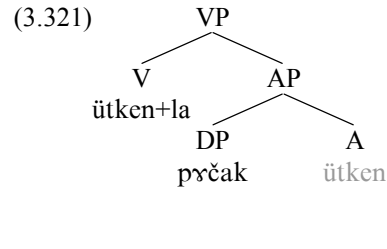
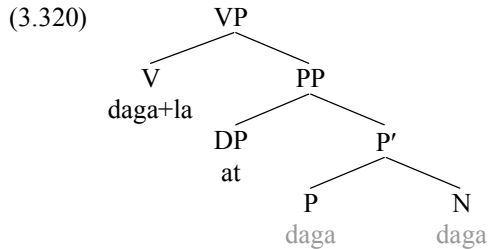
В следующем разделе мы обсудим акциональные характеристики отыменных деепричастий, в первую очередь предельность, и определим ее возможные источники.

3.4.5. Предельность отыменных глаголов

Событийная структура не определяет акциональные свойства предиката однозначным образом (см. Татевосов 2015, 2016). Однако многие компоненты событийной структуры имеют отчетливые акциональные корреляты. Один из основных параметров в этой области — наличие компонента, интерпретируемого как результирующее состояние описываемой ситуации. Его влияние на акциональность описывается следующим обобщением:

- (3.319) Обобщение о результирующем состоянии
 Если в событийной структуре представлен компонент, интерпретируемый как результирующее состояние ситуации, предикат, описывающий эту ситуацию, имеет предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ в перфективных формах.

Выше мы видели два типа событийных структур, которые удовлетворяют описанному в (3.319) условию. Во-первых, это отыменные глаголы, содержащие предложный комплемент. Во-вторых, это глаголы, образованные от прилагательных. Они повторяются в (3.320)-(3.321):

В обоих случаях группа, выступающая компонентом глагола, представляет собой дескрипцию результирующего состояния. В одном случае это состояние ‘быть с подковой’, в другом — ‘быть острым’. Момент, когда результирующее состояние начинает иметь место, определяет кульминацию описываемой ситуации. Наличие кульминации означает, что глагол имеет предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (см. раздел 2.2.1) по меньшей мере как одну из возможностей.

Тест на сочетаемость с обстоятельствами длительности типа ‘за пять минут’ показывает, что ожидание выполняется:

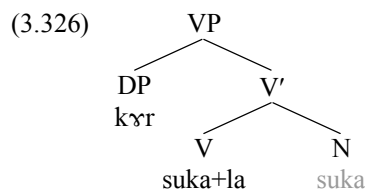
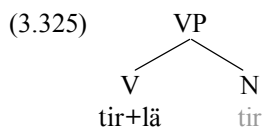
- (3.322) marat ike minut eçendä at-nıç **daga-l-a-dıç.**
 Марат два минута за лошадь-ACC **подкова-VRB-ST-PST**
Марат подковал лошадь за две минуты.

- (3.323) marat ike minut eçendä рүçаg-ı-n **ütken-l-ä-de.**
 Марат два минута за нож-3-OBL.ACC **острый-VRB-ST-PST**
Марат наточил нож за две минуты.

(3.319) не требует, чтобы ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ была единственной возможной интерпретацией в перфективном контексте: глагол не обязан быть сильным предельным. Предикат ‘точить нож’, например, допускает также неопределённое прочтение ПРОЦЕСС в (3.324), когда описываемая ситуация останавливается до достижения кульминации. В контексте текущего обсуждения, однако, существенно то, что если отыменной глагол деривируется в соответствии с (3.320) или (3.321), не иметь предельного прочтения он не может.

- (3.324) marat ike minut bujına рүçаg-ı-n **ütken-l-ä-de.**
 Марат два минута в.течение нож-3-OBL.ACC **острый-VRB-ST-PST**
Марат позанимался точением ножа две минуты {ПК: и бросил это занятие}.

Другие обсуждавшиеся выше событийные структуры отыменных глаголов не содержат компонента, интерпретируемого как результирующее состояние. Это непереходные неэргативы в нескольких разновидностях (в том числе с внутренним дополнением), а также инструментальные глаголы. Две основные событийные структуры из этого ряда повторяются в (3.325)-(3.326):

Какие предсказания о предельности глаголов этого типа выводятся из отсутствия результирующего состояния в (3.325)-(3.326)? Напрашивающийся ответ — предикаты типа ‘потеть’ и ‘пахать поле’ неопредельны — неверен. Оба предиката допускают предельную интерпретацию без затруднений:

(3.327) marat ike minut ečendä **tir-l-ä-de**.
 Марат два минута за **пот-VRB-ST-PST**
Марат вспотел за две минуты.

(3.328) marat ike ken ečendä kʰr-nʰ **suka-l-a-dʰ**.
 Марат два день за поле-ACC **плуг-VRB-ST-PST**
Марат вспахал поле за два дня.

Как возникают эти предельные интерпретации? Ответ подсказывают наблюдения об акциональной композиции из раздела 2.2.4. Глагол *sukalʰj* ‘пахать’ предполагает инкрементальное отношение между событием и пациенсом: большим частям события вспахивания соответствуют большие части поля и обратно. Как и у любых глаголов с инкрементальным пациенсом / темой, его квантованность решающим образом влияет на предельность. Квантованная тема делает доступной предельную интерпретацию, когда кульминация определяется моментом, в котором весь индивид оказывается вовлечен в ситуацию, в данном случае вспахивание. Именно таков источник предельности предложения (3.328).

Подчеркнем, что (3.328) предельно не в силу того, что *sukalʰj* ‘пахать’ — отыменной глагол и что он имеет структуру в (3.326). Акциональная композиция безразлична к деривационной истории глагола. (3.328) предельно постольку, поскольку предельно любой глагол с инкрементальной темой: физические измерения объекта создают естественный предел развития ситуации, по достижении которого ее продолжение невозможно. Если возникший в результате деривации глагол предполагает инкрементальное отношение между индивидом и событием, появление у него предельной интерпретации при наличии подходящего актанта неизбежно.

Как и у других глаголов с инкрементальной темой, предельность (3.328) факультативна. Как обсуждается в 2.2.4, такие глаголы характеризуются возможностью иметь не только предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, но и неопредельную ПРОЦЕСС. Последняя иллюстрируется в (3.329):

(3.329) marat ike ken bujʰna kʰr-nʰ **suka-l-a-dʰ**.
 Марат два день в.течение поле-ACC **плуг-VRB-ST-PST**
Марат попахал поле два дня, {ПК: а потом отправился на сенокос}.

Таким образом, глаголы типа *sukalʰj* ‘пахать’ относятся к слабому предельному классу.

Вопрос о предельной интерпретации предложений типа (3.327) менее тривиален. Во-первых, ее доступность определяется семантическим типом вершины V, а во-вторых — свойствами инкорпорированного имени.

Рассмотрим тот вариант V, который интерпретируется как событие созидания или выделения сущности, обозначенной комплементом. Его семантика повторяется в (3.330):

(3.330) $\lambda P.\lambda e. \exists x [e \text{ — процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge P(x)]$

В общем случае предикаты, описывающие процессы созидания или эмиссии, предполагают инкрементальное отношение между процессом и его участником. Например, глаголы *строить*, *писать* и тому подобные инкрементальны: чем дольше происходит строительство дома, тем большая часть дома построена. Это означает, что свойства событийного предиката, который возникает после заполнения аргументной позиции в (3.330), зависят от кумулятивности / квантованности именного предиката P (см. 2.2.4, а также упоминаемую там литературу по акциональной композиции).

Перед нами, таким образом, тот редкий случай акциональной композиции, когда в ней участвует не синтаксически реализованный аргумент, как это происходит, например, в (3.328), а аргумент, подвергающийся семантической инкорпорации.

С квантованным предикатом мы ожидаем возникновения предельной интерпретации. По всей видимости, именно это происходит в случаях типа (3.331):

(3.331) *sʰjʰt bʰzau-l-a-dʰ.*
 корова теленок-VRB-ST-PST
Корова отеллась.

Если верно, что предикат *bezau* ‘теленок’ квантован, предельность (3.331) вытекает из общих принципов теории акциональной композиции и не нуждается ни в каком дополнительном объяснении³⁵.

По той же причине, по-видимому, предельны инкрементальные глаголы с внутренним дополнением:

(3.332) *marat ike minut eʰendä ʒʰt ʒʰr-l-a-dʰ.*
 Марат два минута за песня песня-VRB-ST-PST
Марат спел песню за две минуты.

Если инкорпорированный предикат не квантован, у него ожидаемо возникает не предельная интерпретация ПРОЦЕСС. Так, например, происходит при инкорпорации неисчисляемого, а следовательно и не квантованного существительного *maŋka* ‘сопли’ в (3.333):

³⁵ Следует признать, что вопрос о квантованности предиката, подвергающегося инкорпорации, значительно более сложен, чем может показаться на первый взгляд. Поведение существительного *bezau* ‘теленок’ в составе полностью развернутых именных групп как будто указывает на квантованность. Это существительное исчисляемо, оно образует множественное число, комбинируется с числительными и т.д. Если лексически в экстенционал *bezau* ‘теленок’ входят только единичные сущности, предикат действительно квантован. Возможно, однако, что так устроен экстенционал существительного единственного числа. Экстенционал существительного никакого числа, который предположительно подвергается инкорпорации в (3.331), может также содержать суммы единичных сущностей. На это, в частности, может указывать числовая интерпретация именных групп в позиции немаркированного прямого дополнения. Чтобы вынести окончательное суждение, у нас, однако, недостаточно данных, так что мы оставляем вопрос открытым.

- (3.333) marat **maŋka-l-a-dʁ**.
 Марат **сопли-VRB-ST-PST**
Марат сопливел.

Предельная интерпретация предикатов такого типа, если она вообще возможна, описывает вхождение в процесс, как в (3.334), но не кульминацию процесса — просто в силу того, что такие предикаты не способны кульминировать:

- (3.334) marat **maŋka-l-a-dʁ**.
 Марат **сопли-VRB-ST-PST**
Марат засопливел.

По всей видимости, так же — как ингрессивную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС — можно анализировать и предикаты типа ‘вспотеть’ в (3.327).

Как возникают ингрессивные интерпретации? Вот возможный сценарий. Выделение субстанций типа соплей и пота (как и, по-видимому, эмиссия любых субстанций), может происходить в большей или меньшей степени. Это создает естественное основание для реинтерпретации (3.330) как выражения, содержащего в себе параметрический предикат со степенной переменной:

- (3.335) $\lambda P.\lambda e. \exists x \exists d [e \text{ — процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge P(x) \wedge \text{increase}(\text{amount}(x))(d)(e) \wedge d \geq \text{std}_C]$
 где $\text{increase}(G(x))(d)(e) = 1$, если и только если степень, которой индивида x характеризует параметрическое свойство G , увеличилась на величину d в событии e (McNally, Kennedy 2002), а std_C — контекстно зависимый стандарт сравнения.

Для глагола *tirli* ‘потеть’ (3.335) создает событийный предикат в (3.336):

- (3.336) $\lambda e. \exists x \exists d [e \text{ — процесс, в котором возникает или распространяется } x \wedge \text{pot}(x) \wedge \text{increase}(\text{amount}(x))(d)(e) \wedge d \geq \text{std}_C]$

(3.336) — это множество событий, в которых выделяется пот, таких, что его количество превышает контекстный стандарт сравнения. Параметр количества (*amount*) привязан к закрытой снизу и открытой сверху шкале: количество любой субстанции меняется от нуля до бесконечности. Стандарт сравнения для таких шкал в любом контексте — минимум на шкале, то есть нуль. О любом индивиде, на котором заметно минимально отличное от нуля количество пота, можно сказать *Он потный*. Тем самым экстенционал предиката в (3.336) содержит события, в которых количество пота, выделяемое индивидом, изменилось на минимальную величину — от нуля до любого положительного значения. Это и есть события, в которых возникает процесс ‘потеть’, описываемый как ‘Марат вспотел’. Ингрессивная интерпретация ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС с начальной кульминацией, таким образом, определяется тем, что в семантику предиката встраивается параметрическое свойство с минимальным стандартом сравнения.

Рассмотрим второй вариант вершины V , задействованный в создании неэргативов, который повторяется как (3.337):

- (3.337) $\lambda P.\lambda e. e \text{ — процесс, характерный для } \hat{P} \text{ и только для } \hat{P},$
 где $\hat{P}$ — тип (*kind*), соответствующий предикату P

Критически важное для акциональной интерпретации отличие (3.337) от (3.335) состоит в том, что (3.337) не предполагает инкрементального отношения между событием и инкорпорированной сущностью. Нельзя сказать, что чем больше развивается ситуация типа ‘разбойничать’ и ‘бродяжничать’, тем большая часть типа ‘разбойник’ или ‘бродяга’ в нем участвует. Инкорпорированное существительное тем самым не может быть источником кульминации для описываемой ситуации тем же способом, что и, например, ‘теленки’ в (3.331).

С другой стороны, инкорпорированное существительное не создает и естественного основания для количественной параметризации, такой, которую мы предположили в (3.335). Типы (kinds) вообще с трудом поддаются количественной оценке. Предложение типа *Камчатского тигра в природе больше, чем уссурийского* можно интерпретировать только через обращение к токенам: токенов, представляющих первый тип, больше, чем токенов, представляющих второй. В любом случае процесс ‘разбойничать’ интуитивно невозможно осмыслить как движение от малого количества свойств типа ‘разбойник’ к большему количеству.

Можно ожидать, таким образом, что (3.337) будет сопротивляться интерпретации в том же духе, что и (3.335), когда в его семантику внедряется параметрическое свойство ‘количество’. Если верно предположение о том, что именно оно несет ответственность за ингрессивную интерпретацию, предикаты типа ‘бродяжничать’ не будут иметь прочтения вида ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. По всей видимости, ожидание подтверждается. Предложение (3.338) имеет неопределенное прочтение ПРОЦЕСС в (3.338.1), но не ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС в (3.338.2):

- (3.338) marat **julbasar-l-a-dʒ**.
 Марат **разбойник-VRB-ST.IPFV**
 1. *Марат разбойничал.*
 2. *??Марат начал разбойничать.*

Подведем итог. Предельность отыменных предикатов может происходить из трех различных источников:

- результирующего состояния, выступающего компонентом событийной структуры;
- инкрементального актанта, в том числе инкорпорированного;
- минимального стандарта сравнения, связанного с параметром количества.

В первых двух случаях генерируется интерпретация ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, когда кульминация завершает описываемую ситуацию, в третьем — ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, когда она инициируется.

3.4.6. Актантная структура

В предыдущих разделах мы рассматривали деривацию отглагольных конфигураций до уровня проекции лексической категории V, то есть до уровня VP. В этом разделе нам предстоит обсудить, что происходит на следующих стадиях деривации.

Первая возможность — присоединение к глагольной группе легкого глагола *v* и создание проекции *vP*. (Здесь мы в порядке упрощения игнорируем расположенную между ними вершину Akt, введенную в 3.3.) Обобщение, описывающее эту возможность, сформулировано в (3.339):

(3.339) Любая отыменная конфигурация, обсуждавшаяся в 3.4.2-3.4.4, способна соединиться с легким глаголом, проецирующим внешний аргумент, $v_{E(xternal)A(rgument)}$.

Четыре основные конфигурации, обсуждавшиеся выше, показаны в (3.340)-(3.343) в комбинации с легким глаголом. Это переходные глаголы с предложной группой, неэргативы, глаголы от прилагательных, инструментальные глаголы.

(3.339) — достаточно слабое обобщение. Оно утверждает лишь, что любая глагольная группа, исходно содержащая в качестве лексического глагола показатель *-la*, может быть элементом конфигурации с внешним аргументом — одной из тех, которые показаны в (3.340)-(3.343). Для мишарского диалекта, как, по-видимому, и для татарского литературного языка, выполняется и более сильное обобщение:

(3.344) Любая отыменная конфигурация, обсуждавшаяся в 3.4.2-3.4.4, должна соединиться с легким глаголом, проецирующим внешний аргумент, v_{EA} .

Согласно (3.344), (3.340)-(3.343) — единственно возможные конфигурации, в которых представлены отыменные глаголы на *-la*. Для них, в частности, недоступны структуры, в которых отсутствует v_{EA} , то есть структуры без синтаксически реализованного аргумента в позиции Spes, vP , который становится сентенциальным подлежащим³⁶.

³⁶ В этой связи весьма интересен небольшой класс отыменных метеорологических предикатов. Глагол *jäšenli* ‘сверкать (о молнии)’ иллюстрируется в (i):

- (i)   jäšɛn   **jäšen-l-i.**
           молния **молния-VRB-ST.IPFV**
           Сверкают молнии.

Глагол *jäšenli* ‘сверкать (о молнии)’ в (i), судя по всему, представляет собой глагол с внутренним подлежащим (cognate subject): другие аргументы невозможны в качестве подлежащего (i). По поводу этого глагола возникает очевидный вопрос: если исходная позиция существительного ‘молния’ — это позиция компонента V (только из этой позиции возможно фонологическое слияние) и если любые глаголы на *-la* присоединяют v_{EA} , которое требует внешнего аргумента, как устроена актантная структура таких глаголов?

Следующая возможность кажется маловероятной: (i) — результат A-передвижения инкорпорированного существительного в позицию подлежащего:

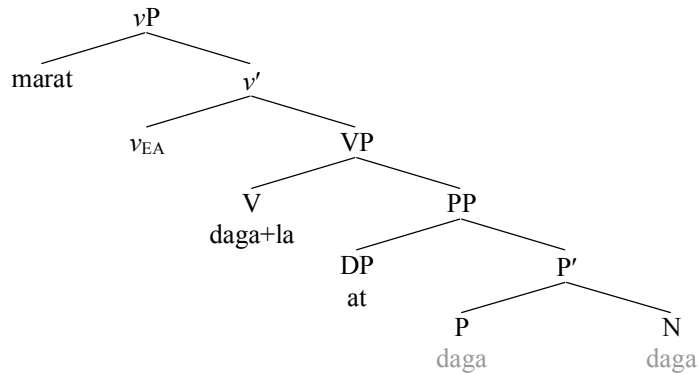
- (ii)   [jäšɛn   [∅_{стихий} v_{EA} [_{VP} jäšɛn+la V [_N *jäšen*]]]]

В (ii) существительное в исходной позиции принимает участие в фонологическом слиянии и, кроме того, подвергается передвижению (показано зачеркиванием нижней копии). Передвижение происходит предположительно по той причине, что позицию внешнего аргумента занимает синтаксически инертный фонологически пустой элемент наподобие ∅_{стихий} И.А. Мельчука. Конструкция, соответственно, отдаленно напоминает неаккузативную: при отсутствии синтаксически активного внешнего аргумента в позицию подлежащего попадает внутренний.

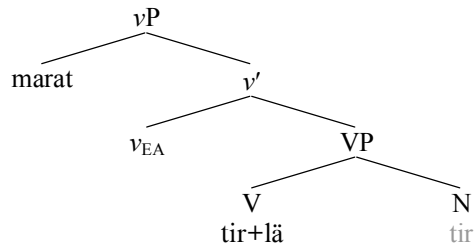
Однако даже если не предполагать, как это делают К. Хейл и Дж. Кейсер, что при образовании отыменных глаголов происходит синтаксическая инкорпорация компонента V, маловероятно, чтобы он был способен к фразовому передвижению. Вершина N в такой конфигурации не проецируется и, соответственно, не располагает количеством структуры, достаточным для участия во фразовых передвижениях.

В этой связи не кажется невозможным другое направление анализа. Реализация фонологической цепочки /jäšɛn/ в позиции внешнего аргумента происходит в результате дальнейшей работы операции фонологического слияния. Она обеспечивается фонологической дефектностью единицы, исходно при-

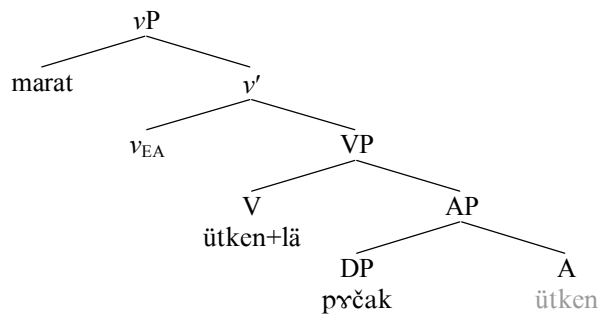
(3.340) Глагол с предложной группой ('Марат подковывает лошадь')

(3.341) Неэргативный глагол ('Марат потеет')

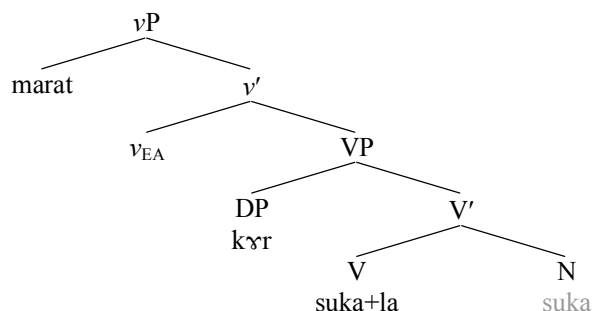
(3.342) Глагол от прилагательного ('Марат точит нож')

соединяющейся в позиции спецификатора легкого глагола. Потребность снабдить эту единицу планом выражения удовлетворяется в этом случае тем же механизмом, который обеспечивает планом выражения глагол.

Чтобы сделать этот анализ работоспособным, необходимо проработать много дополнительных деталей. Главная задача — описать, как происходит копирование фонологического материала на спецификатор. Второстепенная, но тоже важная, — объяснить, почему не копируется цепочка /la/, которая на этом этапе уже вступила в деривацию. Кроме того, необходимы дополнительные эмпирические сведения о синтаксическом поведении внутренних подлежащих типа *jäšen* 'молния', в первую очередь информация о количестве структуры, которую они способны проецировать.

(3.343) Инструментальный глагол ('Марат пашет поле')

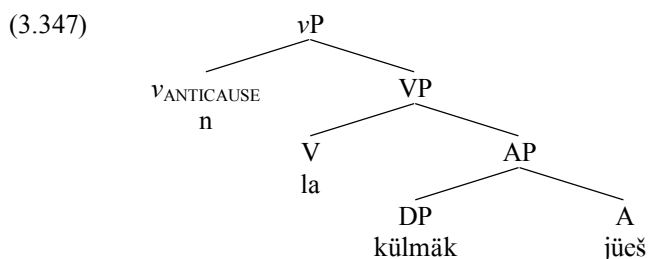
Что представляют собой такие структуры? Две основные их разновидности известны как пассивы и декаузативы. Как мы уже видели, в мишарском диалекте в деривации и тех и других задействована одна и так же морфема *-l*, которая в 3.1 обозначена как пассив. С отыменными глаголами эта морфема функционирует так же, как и с любыми другими. В (3.345) показан пассив от глагола *sukaʎj* 'пахать', а в (3.346a-b) — каузативно-декаузативная пара, образованная от прилагательного *jüeš* 'мокрый':

(3.345) kʏr (marat taraf-ʎ-n-nan) suka-l-a-n-dʎ.
 поле Марат сторона-3-OBL-ABL плуг-VRB-ST-PASS-PST
Поле было вспахано Маратом.

(3.346) a. marat külmäg-e-n jüeš-l-ä-de.
 Марат рубашка-3-OBL.ACC мокрый-VRB-ST-PST
Марат намочил рубашку.

b. külmäk jüeš-l-ä-n-de.
 рубашка мокрый-VRB-ST-PASS-PST
Рубашка намокла.

Таким образом, естественно предположить, что декаузативная морфема *-l* является фонологической реализацией определенного класса легких глаголов *v*, отличных от *vEA*. Структура предложений типа (3.346b) в этом случае выглядит как (3.347) (показана конфигурация до фонологического слияния).

Аналогичный анализ можно предложить для (3.345) — с той разницей, что в последнем случае задействуется пассивная вершина *v*, а не декаузативная.

Пассивизация структур в (3.340)-(3.341) полностью предсказуема: она возможна с переходными конфигурациями (3.340) и (3.342)-(3.343) и невозможна с неэргативной (3.341). Существенно менее тривиальна доступность декаузативных отыменных глаголов на *-la*, у которых после *-la* присоединяется пассивная морфема.

В этом месте выявляется несколько закономерностей. Во-первых, глаголы от прилагательных систематически допускают декаузатив (хотя, вероятно, не обходится без отдельных лексических исключений). Несколько примеров показано в (3.348):

(3.348)	<i>jüešli</i> ‘мочить’	<i>jüešlänä</i> ‘намокать’	<i>jüeš</i> ‘мокрый’
	<i>ansatlxj</i> ‘облегчать’	<i>ansatlana</i> ‘облегчаться’	<i>ansat</i> ‘легкий, простой’
	<i>jäšelli</i> ‘красить в зеленый цвет’	<i>jäšellänä</i> ‘зеленеть’	<i>jäšel</i> ‘зеленый’

Инструментальные глаголы, напротив, систематически исключают декаузатив. Дериваты на *-la-n* от таких глаголов могут иметь только пассивное прочтение. Это видно, в частности, из сравнения (3.284.1) и (3.284.2)

Наконец, среди глаголов с предложным комплементом наблюдается варьирование. Глаголы в (3.349) допускают декаузативный дериват:

(3.349)	<i>žäfalxj</i> ‘мучить, причинять страдания’	<i>žäfalana</i> ‘мучиться, страдать’
	<i>jaralxj</i> ‘ранить’	<i>jaralana</i> ‘пораниться’
	<i>kaplxj</i> ‘покрывать, накрывать’	<i>kaplana</i> ‘покрываться, накрываться’
	<i>majlxj</i> ‘маслить’	<i>majlana</i> ‘промасливаться, впитывать масло’
	<i>nigezli</i> ‘основывать, обосновывать’	<i>nigezlänä</i> ‘основываться, обосновываться’
	<i>xnlxj</i> ‘посыпать мукой, обваливать в муке’	<i>xnlana</i> ‘покрываться мукой, обваливаться в муке’
	<i>parlxj</i> ‘парить’	<i>parlana</i> ‘париться, покрывается испариной’
	<i>jullxj</i> ‘направлять, указывать путь’	<i>jullana</i> ‘отправляться в путь’
	<i>nazlxj</i> ‘ласкать, нежить’	<i>nazlana</i> ‘нежиться’

Глаголы в (3.350), напротив, способны только к образованию пассива:

(3.350)	<i>dägvalxj</i> ‘претендовать, оспаривать, притязать’
	<i>žirli</i> ‘хоронить’
	<i>ijärli</i> ‘седлать’
	<i>timerli</i> ‘покрывать железом, оковывать железом’
	<i>xermätli</i> ‘уважать, оказывать уважение, почитать’
	<i>xäterli</i> ‘вспоминать’

В этой дистрибуции мишарских каузативно-декаузативных пар примечательно ее весьма точное соответствие типологически засвидетельствованным моделям. Если отвлечься от морфологического устройства выражений с каузативной и с декаузативной семантикой, в языках наблюдается удивительное единообразие. Для глаголов, образованных от прилагательных, естественно образовывать такие пары, для инструментальных глаголов естественно их не образовывать, среди глаголов от существительных наблюдается варьирование.

Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого осмотра известных языков. (3.351a-b) показывают английскую пару, где глаголы обозначают вхождение в состояние ‘быть сухим’, описываемое прилагательным *dry* ‘сухой’, и каузацию этого вхождения:

- (3.351) a. James once dried his pants in his microwave.
Однажды Джеймс посушил брюки в микроволновке.
- b. His pants dried in the microwave.
Его брюки высушились в микроволновке.

Русский язык часто допускает образование не только пар, но даже троек с двумя непереходными глаголами, как в (3.352). Один из них представляет собой минимально морфологически маркированный глагол изменения состояния, а второй образуется от переходного варианта с помощью показателя *-ся*. Такая же возможность засвидетельствована в романских языках (Folli 2002, Labelle, Doron 2010):

- (3.352) a. Володя высушил брюки.
b. Брюки высохли.
c. Брюки высушились.

В невозможности декаузативной пары у инструментальных глаголов можно убедиться на примерах типа (3.353)-(3.354), вновь из английского и русского:

- (3.353) a. James hammered the metal (flat).
Джеймс расплющил металл молотком.
- b. *The metal hammered flat.
Металл расплющился молотком.
- (3.354) a. Володя просверлил стену.
b. # Стена просверлилась.
1. *‘В стене образовалось отверстие от воздействия сверла’
2. ‘Стену удалось просверлить.’

В русском языке предложение (3.354b) грамматично, однако оно не имеет декаузативной интерпретации. Единственное доступное прочтение предполагает возможность, осуществившуюся посредством целенаправленных усилий.

Наконец, как и в татарском языке, структуры, в которых глагол соединяется с предложным компонентом, допускают декаузативизацию лишь частично. Например, *промаслить* имеет декаузативный аналог *промаслиться*, иллюстрируемый в (3.355):

- (3.355) Маслом, жарой и дождем истекали тучи; пока мы добрались до Волынкина двора, наше платье и волосы промокли, а может быть, не промокли, а промаслились. [Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)]

Седлать лишен такой возможности: (3.356) если и может быть проинтерпретировано, то лишь так же, как *просверлиться* в (3.354b), — через модальный компонент ‘удалось’:

- (3.356) # Лошадь оседлалась.

В английском языке у многих глаголов с предложным компонентом наблюдается такой же контраст; соответствующие примеры опустим для экономии места.

Глаголы такого типа позволяют и сформулировать гипотезу о доступности декаузативного предиката. Рассмотрим минимальную пару в (3.357a-b) (Hale, Keyser 2002):

(3.357) a. The mud splashed on the wall.

Грязь плеснула на стену.

b. *Saddle soap smeared on my chaps.

Крем для ухода за седлом размазался по моим сапогам.

Глаголы *splash* ‘плескать, выплескивать’ и *smeare* ‘мазать, намазывать’ не относятся к числу отыменных. Тем не менее они представляют ценный материал для наблюдений, поскольку проецируют клаузу, идентичную по структуре отыменным глаголам типа ‘маслить’ и ‘седлать’: глагольная вершина имеет предложный комплемент. Соответственно, их поведение может пролить свет и на интересующий нас случай.

Глаголы близки по семантике: оба предполагают нанесение некоторой субстанции на поверхность объекта. Несмотря на сходство, однако, декаузативное употребление допускает *splash* ‘плескать, выплескивать’, но не *smeare* ‘мазать, намазывать’.

В свете (3.357a-b), можно сформулировать следующую гипотезу о том, чем регулируется возможность декаузативной пары к переходному глаголу.

(3.358) Обобщение о семантике способа

Глаголы, в семантике которых имеется информация о способе осуществления ситуации, не допускают декаузативизации.

К. Хейл и Дж. Кейсер описывают глаголы, удовлетворяющие условию в (3.358) (то есть *smeare* ‘мазать, намазывать’ и аналогичные) как агентивно-ориентированные глаголы способа (agent-manner verbs; Hale, Keyser 2002: 34 *et seq*): их толкование по необходимости содержит информацию о характере деятельности агенса.

Глаголы, не удовлетворяющие условию в (3.358), даже если они что-то сообщают о характере процесса, оказываются пациентивно-ориентированными. Например, таков *splash* ‘плескать’: его толкование указывает на происходящее с пациенсом — на его перемещение, распределение в пространстве и т.д.

Способ осуществления ситуации связан с наличием или отсутствием декаузативного прочтения самым непосредственным образом. Если глагол содержит в себе информацию о том, что должен делать агенс, чтобы происходящее описывалось как *smeare* ‘мазать, намазывать’, в предложении должен быть агенс, хотя бы имплицитный. Если его нет, семантические требования, вшитые в толкование глагола, не удовлетворяются. (Технически К. Хейл и Дж. Кейсер реализуют эту идею с помощью индекса на глаголе, который связывается агентивным внешним аргументом.)

Агентивно-ориентированный способ имеет и еще одну семантическую (и морфосинтаксическую) корреляцию. Внешним аргументом глаголов способа типа *smeare* ‘мазать, намазывать’ может быть только агенс. Требования *splash*-глаголов к внешнему аргументу более скромны: это могут быть неагентивные природные силы, артефакты, иногда события и другие эффекторы. Характерный пример показан в (3.359):

(3.359) Солнце выплеснуло на ржаво-зеленую вершину высокой горы озерцо золотого огня. [Дина Рубина]

Если все эти наблюдения верны, то, распространив их на отыменные глаголы, мы можем надеяться объяснить их возможности в плане декаузативизации. Судя по всему, обобщение в (3.358) делает в этом случае верные предсказания.

Действительно, событийная структура отагдъективных глаголов устроена так, что единственная доступная лексикографическая информация — это информация о результирующем состоянии. Прилагательное сообщает, какими свойствами обладает актант по завершении описываемой ситуации, но умалчивает о том, каким способом это состояние вызывается к жизни. Мы ожидаем (и ожидания подтверждаются), что принципиальных запретов на декаузативизацию отагдъективных глаголов быть не должно.

Напротив, как мы видели выше, глаголы с инкорпорацией инструмента неизменно оказываются глаголами способа. Одна из возможностей сделать это эксплицитным — использовать тривиальное обобщение: чтобы привести в действие инструмент, необходим агент. Эффекторы, лишённые воли и целеполагания, оперировать инструментами не могут. Дескриптивное содержание глагола типа ‘сверлить’ или ‘буравить’ в очень большой степени определяется характером взаимодействия агенса и инструмента. Это объясняет невозможность получить декаузатив от инструментальных глаголов.

Если эта линия рассуждений верна, перед нами открывается возможность объяснить, почему отыменные глаголы с предложной группой распадаются на два класса. Как кажется, релевантный параметр в этом случае — это способность объектов, обозначенных инкорпорированным именем, входить в нужное (пространственное) отношение с сущностью, обозначенной прямым дополнением, без участия агенса, а лишь под воздействием неагентивных эффекторов или случайного развития событий. Например, чтобы масло вошло в контакт с поверхностью объекта и распространилось по ней, а также проникло вглубь, в общем случае не требуются чьи-либо целенаправленные действия. Это может произойти случайным стечением обстоятельств. Это предсказывает возможность декаузативов со значением типа ‘промаслиться’. С другой стороны, артефакты типа ‘седло’ не могут самопроизвольно или под воздействием природных сил оказаться на спине лошади и закрепиться там: для этого необходимы целенаправленные усилия, то есть агент. Соответственно, декаузатив ‘(о)седлаться’ невозможен.

Такие соображения указывают, что возможность декаузатива хотя бы частично предсказуема исходя из семантического класса инкорпорированного существительного. Названия природных веществ, подвижных субстанций, жидкостей, или, допустим, неконтролируемых ментальных и эмоциональных состояний должны образовывать глаголы, более склонные к декаузативизации. Названия артефактов, предметов хозяйственной деятельности, механизмов и, с другой стороны, контролируемых ментальных состояний будут склонны иметь агенса в качестве внешнего аргумента и сопротивляться декаузативизации.

Мы не предлагаем более строгого анализа материала типа (3.345)-(3.350). Для целей данного описания достаточно этих неформальных рассуждений. Заинтересованный читатель может самостоятельно проверить, насколько они приложимы как к разнообразным глаголам в (3.345)-(3.350), так и к более широкому классу случаев.

3.5. Сумма наблюдений

Результаты этой главы достаточно многообразны. Данные актантных преобразований (каузатива, пассива, депациентива и реципрока / ассистива) демонстрируют важность понятия актантной структуры как характеристики глагольной основы и неадекватность европейского понятия залога применительно к татарскому материалу. Кроме того, как семантика, так и синтаксические свойства глагола, образованного в результате применения актантных дериваций к исходной основе, в основном представляют собой композиционное соединение лексических свойств этой основы и характеристик, привносимых деривационной операцией.

Подробное рассмотрение реципрокальной / ассистивной деривации приводит нас к выводу, что ассистивное значение морфемы *-š* следует рассматривать как отдельную деривацию. С семантической точки зрения, ассистив, который отличается почти полным отсутствием лексических ограничений, следует анализировать как морфему, которая вводит в семантическое представление новое подсобытие и его участника.

Анализ так называемого фальшивого каузатива, когда два каузативных показателя добавляют к структуре лишь одно новое каузирующее подсобытие и одного участника, проводится с использованием радикальной предикатной декомпозиции. Основная гипотеза, которая обосновывается в этой связи, состоит в том, что фальшивая каузативизация возникает, когда каузирующее и каузируемое подсобытия связаны не стандартным для каузатива отношением CAUSE, а инкрементальным отношением INCR.

Глаголы, образованные от существительных при помощи вербализатора *-la*, распадаются на четыре семантико-синтаксических класса. Членство в классе определяется тем, к какой структуре присоединяется предикат, обозначаемый вербализатором (к предложной группе или к именной группе), а также семантикой реализуемой вербализатором вершины V (обозначает ли она деятельность по созданию / выделению объекта, деятельность, характерную для объекта, или деятельность, осуществляемую с помощью объекта). Для дериватов от прилагательных характерны две возможности: деятельность по приведению объекта в результирующее состояние, описываемое прилагательным, и деятельность, свойственная объектам, находящимся в этом состоянии. Эти структурные особенности помогают предсказать как акциональные свойства результирующих глаголов, так и их актантную структуру.

